

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут (семинар Юрия Кузнецова). Доктор медицинских наук.

Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, многочисленных публикаций в «толстых» журналах, зарубежной периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014) и многих других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

АЛХИМИК РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Чигрин Е. М. Водяные деревья: стихотворения. – М.: Издательский дом «Зебра Е», 2022

Книга «Водяные деревья» Евгения Чигрина, недавно вышедшая в одном из столичных книжных издательств, несомненно, одно из самых ярких явлений русскоязычной литературы 2022 года.

Появление большого поэта всегда событие. Из дальних стран собираются волхвы разных национальностей, конфессий и литературоведческих школ, гадают, откуда взялось такое чудо, кто его предшественники и прародители. И чем крупнее поэт, тем труднее определить его истоки, проанализировать состав его крови и уточнить ее группу. Конечно, стихи Евгения Чигрина не родились бы на свет, не будь в русской поэзии Борагынского, Мандельштама, Ходасевича и Заболоцкого. Но автор так далеко ушёл от своих прародителей, что произошло чудо геной инженерии – на его хромосомах почти не осталось следов этих мастеров – настолько глубоко автор переварил колоссальный опыт своих гениальных предшественников.

Один из самых самобытных русскоязычных поэтов двадцать первого столетия, Евгений Чигрин появился на поэтическом небосклоне неожиданно, как Минерва из головы Юпитера, чтобы удивить равнодушного читателя первозданностью воссозданного мира.

Как только появился постмодернизм, поэты традиционного направления хором запели о кризисе изящной словесности. Оснований для такого неутешительного диагноза было больше чем достаточно –

постмодернисты не создали ничего своего, оставшись в непроходимых дебрях заимствований и цитирований. В ответ на справедливые упрёки почвенников они отвечали, что в двадцать первом веке нельзя петь, сидя на ветке, как соловей или щегол, не опираясь на многотонную культуру, зародившуюся в пустынях Египта и Междуречья. И с этим тоже трудно поспорить.

Творчество Евгения Чигрина представляет собой, на мой взгляд, третий, особый путь развития отечественной поэзии. Это тот путь, когда мировая культура не тупо цитируется в рифму и без таковой с элементами дешевой шутки в стиле КВН, а глубоко переваривается с расщеплением до отдельных молекул, чтобы из этих молекул синтезировать своё, новое, первозданное.

Поэтов, опирающихся на мировую культуру, всегда было много, хотя и намного меньше, чем почвенников. Целая плеяда талантливых русскоязычных стихотворцев сформировалась под эгидой Манделштама и Бродского. При всем желании не могу отнести Чигрина к этой замечательной, талантливой и очень уважаемой мной плеяде, ибо и здесь он стоит особняком. Несмотря на обилие в своих стихах имён собственных и бесконечных культурных реминисценций, Чигрин автор интуитивный, глубоко интравертированный... Более того, экзистенциальный. Поэтому все культурные реминисценции для него – дело вторичное.

Согласно основной концепции, лежащей в основе экзистенциализма, индивидуум для того, чтобы полностью прочувствовать свою «экзистенцию», должен оказаться в некой «пограничной ситуации» – например, перед лицом неизбежно надвигающейся смерти. В результате этого прочувствования окружающий мир становится для человека «интимно близким». Эта открытая, вопиющая интимная близость со смертью – неотъемлемая черта поэзии Чигрина.

Ангел в носках шерстяных и другой типаж
– Грубый старик – оба знали меня в лицо.
Вечность в карманах и смерть так и носят? – блажь
Или привычка? (Крути, Соломон, кольцо.)

Вечность всегда лежит в карманах, а смерть носят с собой – как кошелек, очки, носовой платок или ключи. Да и загробный мир подчас напоминает реальный, увиденный, прочувствованный:

Загадай – и фантазия щучья
Не случится, так скрипнет калиткой,
За которой в бессмертье возможно
Забрести с виноватой улыбкой:
Вот граница, а вот вам таможня.

И конечно, загробный мир всегда рядом с нами:

Не отвалит Безногая, слышишь... Нет?
Не налить ли и нам? Подожди, дружок.
Засыпай. Сновидениям тыщи лет.
Закрывай-ка глаза, ты ещё не плох.

Поэзия Чигрина не отличается оптимизмом, и для этого есть основания. Роль поэта в современном обществе не может вызывать у творческого человека восторг. В свое время деятели культуры так хотели

порвать с ненавистным государством, навязывавшим им свою идеологию и стереотипы, что не смогли предвидеть свою дальнейшую полную невостребованность в мире чистогана. Как всякий большой писатель, Чигрин тяготится ролью маргинала, но прекрасно понимает, что в двадцать первом веке поэт уже не может быть пророком или пастырем:

...Мрачнеет автор: жизнь идёт под гору,
Проснётся поздно, выглянет в окно,
Там вечер в пятнах приставляет к горлу
Площадки детской темени кино.
Вся матрица района в скучной власти
Не летней атмосферы: «В Лету бы, –
Бормочет он, – такую жизнь, как здрасти!
Отправить бы, как в Белые Столбы
В недавнем прошлом отправляли живо
Болезных, помутившихся, чудных...»
Он сам как будто из того архива
Занятных персонажей городских,
Которые не вымерли, но – скоро
Сыграют в ящик, полетят в гробах
В какой-нибудь небесный Бора-Бора?
– Какой абсурд не выскажешь в стенах
Кирпичного замкадышного дома...

Однако социальность с ее уродливыми противоречиями ничто по сравнению с миром Поэзии и творчества. И все лишь потому, что поэзия, Слово как таковое – высшая ценность для поэта, его единственный генетический код:

Входил июнь. Стихала детвора,
На парашютах опускалась мгла,
Срывая маски с мятого заката.
Провинция старела. Мальчик жил
Совсем не так, как пресловутый сыр,
Что с маслом завсегда запанибрата.

Не столько в дружбу с мальчиками, он,
Скорее, в книжный рай был вовлечён:
При книгах был, как варвар при фетише.
Над ним сивиллы ворожили сад
Когда бывал он сновиденьям рад,
Как позже бы сказали «выше крыши».

Поэтический мир – мир сновидений – для поэта подчас реальнее настоящего, вещественного мира. И в этом, пожалуй, нет никакого противоречия – эти два мира всегда будут вместе, пока существует мыслящее человечество. И, несомненно, огромное счастье для просвещенного и вдумчивого читателя прикоснуться к этим строкам, чтобы понять – русскоязычная поэзия не только жива, она набирает всё новые и новые обороты.